

Андрей Алексеев

Публичная социология как стиль

«Социология публичной сферы» и «публичная социология», по видимому, не одно и то же.

Насколько я могу судить, Майкл Буравой инициирует – не впервые в истории мировой социологии – преодоление сциентистских канонов, узкого профессионализма и дисциплинарной ограниченности и выступает за социологию открытую «всем ветрам» общественной жизни, за социологию «для публики» и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата. В такой социологии повышается роль активистских методов, иногда даже происходит сращивание социального исследования и социальной самоорганизации, как, например, в «социологии действия» Алена Турена. Само по себе это движение общественной науки в сторону человека и гражданского общества – явление прогрессивное.

В какой мере это актуально для российской науки? Ее зависимость в советские времена – от государственных, в постсоветские – от рыночных, а ныне – все больше от тех и других влияний в принципе может частично преодолеваться гражданственно ориентированными и нравственно мотивированными социальными исследователями.

Романтический настрой зачинателей новейшей российской социологии, пожалуй, имеет шанс возродиться в поколении, идущем на смену штатному составу современного академического и университетского истеблишмента, что, впрочем, будет плодотворным лишь при условии творческой переработки профессионализма, накопленного предшествующими поколениями.

Публичная социология не должна быть некоей антитезой другим жанрам социального исследования – тем ли, что выделены М. Буравым, или каким-либо иным. Это – своего рода стилевая характеристика, настрой, интенция, реализуемая в разнообразных социологических практиках.

Публичная социология – открытая социология

Что такое «социология публичной сферы»? Вообще-то, если обратиться к семантике слова, то в переводе с английского *public* своим первым значением имеет «общественный» (а уж вторым – «публичный», в смысле – принадлежащий всем, общедоступный). Например: *public opinion* = общественное мнение. Получается – «социология общественной сферы», что, понятно, тавтология, или «масло масляное».

Социология, по определению, занимается обществом, публичной, а не приватной (частной) сферой человеческой жизнедеятельности, частной же сферой занимается лишь постольку, поскольку та имеет общественное зна-

чение или социально обусловлена. Таким образом, вряд ли уместно словопотребление «социология публичной сферы».

Другое дело – «публичная социология» (*public sociology*). Этот термин недавно введен в оборот видным американским социологом Майклом Буравым. И, надо сказать, буквально за несколько лет приобрел чрезвычайную популярность, а выдвинутые М. Буравым идеи вызвали волну обсуждений и дискуссий в мировом социологическом сообществе. Не миновала эта волна и российских социологов¹. Именно о «публичной социологии» шла речь и на упомянутом выше Круглом столе, в декабре 2007 года².

Так что же такое «публичная социология»? «Отец» концепта (и термина) обсуждает его в эпистемологическом контексте, точнее – выстраивает систему понятий, отображающую четыре усматриваемых автором типа знания: *профессиональное* (*professional*), *прикладное* (*policy*), *публичное* (*public*) и *критическое* (*critical*)³. (М. Буравой говорит о разделении именно социологического труда, но в равной степени эта дифференциация применима, наверное, и к другим обществоведческим дисциплинам).

Такая классификация типов знания далеко не самоочевидна (как, скажем, подразделение науки на фундаментальную и прикладную или, например, социологии – на теоретическую и эмпирическую). Но она, эта классификация, становится «прозрачной», если обратиться к предложенному М. Буравым модельному представлению, в основе которого – различение социологического знания:

а) *по характеру*⁴: инструментальное знание versus рефлексивное знание, и

б) *по адресу*: академическая аудитория versus вне-академическая аудитория.

В таком случае, по М. Буравому, оказывается, что:

– профессиональная социология есть инструментальное знание для академической аудитории;

¹ Укажем, в частности, на активный резонанс, который получили Открытые лекции профессора социологии Майкла Буравого «Публичная социология», проходившие на Факультете социологии Санкт-Петербургского университета и в Центре независимых социологических исследований. См.: <http://www.soc.pu.ru/inf/burawoyl.shtml>; <http://www.ecsoc.ru/db/msg/18756>.

² См. также: Социология в современном российском обществе: диагноз тенденций и перспектив. Материалы к обсуждению. М.: СоПСо; ИС РАН; Факультет социологии ГУ-ВШЭ; РГНФ, 2007.

³ Здесь и далее буду пользоваться переводом на русский язык статьи М. Буравого «За публичную социологию», напечатанного на русском языке в данной книге. Обратим внимание на перевод слова *policy*. Переводчик удачно применяет термин *прикладная социология*, поскольку имеются в виду социологические исследования, выполняемые по заказу учреждений и организаций.

⁴ М. Буравой называет это тоже «типами», но оставим данный термин только за клеточками «типологического квадрата» американского исследователя.

— прикладная социология есть инструментальное знание для вне-академической аудитории;

— публичная социология есть рефлексивное знание для вне-академической аудитории.

— критическая социология есть рефлексивное знание для академической аудитории.

Автор подчеркивает, что это типы идеальные, в “чистом виде”, пожалуй, невозможные; их границы не стабильны, понятия перетекают друг в друга. Кроме того, в рамках каждого типа, как такового, возможно доминирование аспекта, соответствующего любому иному или даже этому самому типу.

Например, в профессиональной социологии, как таковой, могут быть выделены “подразделы”: профессиональной, прикладной, общественной (публичной) и критической социологии, — или, лучше сказать, ее, профессиональной социологии, аспекты, направления деятельности¹. Иначе говоря, в каждой клетке концептуальной матрицы отражено также и целое (а не просто нечто состоит из разных частей). Так что, можно выделить уже не только четыре типа, а также и 16 “под-типов” социологического знания (или труда), что вместе составляет целостность.

Теперь попробуем разобраться в соотношении указанных инновационных различий и привычных, устоявшихся размежеваний социологического знания, вплоть до контраста парадигм.

Понятно, что теоретическая социология адресуется скорее академической аудитории. Эмпирические же элементы представлены в знании, предназначенном как для академической, так и вне-академической аудиторий, т.е. практически во всех типах социологического знания.

Известное различие фундаментальной и прикладной науки также нетрудно соотнести с типологической моделью Буравого. В том смысле, что прикладная социология — она и есть прикладная. Но профессиональная, критическая или публичная — вовсе не обязательно фундаментальны.

¹ М.Буравой предлагается следующее подразделение, в частности, профессиональной социологии, как таковой:

— (собственно) профессиональная: исследование, проводимое в рамках научных программ, определяющих предположения, теории, концепции, вопросы и задачи;

— прикладная: защита социологического исследования, защита людей, которых мы изучаем, финансирование, представление материалов в Конгресс США;

— общественная (публичная): забота о публичном образе социологии, представление результатов в доступной форме, преподавание основ социологии и написание учебников.

— критическая: критические дебаты о дисциплине, внутри исследовательских программ и между ними (См. Буравой М. За публичную социологию. Тезис IV: Уточнение внутренней сложности).

Оппозиция так называемых “количественной” и “качественной” социологий и типологическая матрица Буравого, как нам кажется, независимы друг от друга. В особенности, если говорить об антитезе только “жестких” и “мягких” методов, а не о всем богатстве различий двух социологических парадигм. Если для инструментального знания (напомним: профессиональная и прикладная социологии) сомневаться в равноприменимости тех и других методов не приходится, то ведь и рефлексивное знание (критическая и публичная социологии) неизбежно опирается на эмпирическую базу, образуемую как социологическими измерениями, так и качественными наблюдениями.

То же можно сказать и о (тесно коррелирующих с оппозицией количественных и качественных методов) различиях “социо-” и “антропоцентричной” социологии, “макро-” и “микросоциологии”, “структурирующей” и “интерпретативной”, “объективной” и “субъективной”, “бесчеловечной” и “гуманистической”, и, наконец, в терминах, которые предпочитает автор этих строк, — “объект-объектной” и “субъект-объектной” социологии¹. (Здесь не будем углубляться в проблему соотношения двух, как мы полагаем, не конкурирующих, а взаимодействующих парадигм “количественной” и “качественной” социологии; эта проблема, как мы считаем, может быть решена лишь путем введения третьего компонента, задающего меру указанному соотношению, иначе говоря — путем достраивания этой “пары” до системной триады², где третьим элементом, по-видимому, выступает социальная философия)³.

Итак, хоть “объективная” (объект-объектная), хоть “субъективная” (субъект-объектная) социология может быть в равной мере (но в разных отношениях) — профессиональной, прикладной, критической и публичной.

Здесь заметим лишь, что известное тяготение к последней имеют акционистские подходы (методы) в социологии (одним из наиболее ярких примеров может служить “социология действия” А. Турена). Но к этому вопросу вернемся при обсуждении публичной социологии, как таковой.

То обстоятельство, что типология Буравого как бы инвариантна относительно традиционных различий родов и типов социологического знания, лишь подтверждает ее не только оригинальность, но и эвристичность. То есть введение характерологического измерения (знание: инструментальное — рефлексивное) и адресного измерения (аудитория: академическая — внеакадемическая) и их пересечение дают новый эпистемологический срез “тела” общественной науки.

¹ Эта последняя пара терминов была предложена петербургским социологом Розетом С.М. Подробнее см.: Алексеев А.Н. Драматургическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003. с. 553-556; Том 4. СПб.: Норма, 2005. С. 294-295.

² См. Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. М. — Ижевск. НИЦ “Регулярная и хаотическая динамика”, 2005, и др. работы этого автора.

³ См. Алексеев А.Н. Драматургическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. С. 188-195.

Теперь обратимся собственно к понятию публичной социологии. Уже из сказанного ранее (вслед за Буравым) ясно, что антитезой ни профессиональной, ни прикладной, ни критической социологии — публичная не является. То есть правомерно говорить об элементах “публичности” в любом из других типов социологии и, соответственно, об элементах этих других (при возможном даже доминировании) в рамках публичной социологии, как таковой. Но нас интересует здесь истолкование самого понятия *публичная социология*.

Рассмотрим “веер” возможных и, заранее заявим, релевантных нашему предмету трактовок:

— публичная социология — в смысле *общественная* (о чем уже шла речь). Говорить об общественной социологии (и даже пользоваться таким обозначением как термином), на наш взгляд допустимо, указывая тем самым на то, что не всякое социологическое знание, строго говоря, является общественным — в плане направленности на служение обществу в целом, а не какой-либо его части (скажем, элите, будь то научная, политическая, деловая...);

— публичная социология — в смысле преимущественного сосредоточения на решении таких научных проблем, которые вырастают из... или стимулируются необходимостью разрешения актуальных общественных проблем и, так или иначе, способствуют преодолению (разрешению) возникающих в обществе диспропорций, конфликтов, противоречий; это — в отличие от изысканий, представляющих интерес исключительно для социологов. Можно сказать, что это актуализированная, или проще — *актуальная социология*;

— публичная социология — в смысле непосредственной предназначенности результатов научного изыскания публике (ну, скажем, подобно тому, как “публике” предназначены театр или литература); публичная, т. е. рассчитанная на публичное восприятие, и в пределе — общедоступная; во всяком случае — не тайная, не “эзотерическая”, а прозрачная также и для непрофессионалов. Можно сказать также, наверно: *демократическая социология*;

— публичная социология — в смысле интерактивности: а) между исследователем и объектом изучения, который — в случае социологии — сам по себе есть субъект, выделенный на определенном уровне общности, или же (при другом методологическом подходе) некоторая реальная или номинальная группа людей; б) между исследователем и обществом, как потребителем социологической информации. Публичная социология есть, таким образом, *диалогическая социология*¹;

¹ На важность этого аспекта обращает внимание сам Буравой., который пишет: “Что мы будем подразумевать под публичной социологией? Публичная социология вовлекает социологию в диалог с группами общественности, т. е. с людьми, которые сами вовлечены в диалог” (Буравой М. За публичную социологию. Тезис II: Многообразие публичных социологий).

— публичная социология — в смысле активной жизненной и научной позиции исследователя, в смысле непосредственного вмешательства в общественную жизнь, использования методов деятельного участия, включенности в общественные движения, обращенности лицом к гражданскому обществу, защиты трудовых и социальных прав и т. д. Можно сказать — *гражданственная социология*¹;

— и, наконец, публичная социология как *открытая социология*. Этим последним определением перекрываются объем и содержание ряда иных определений, приводившихся выше. Открытая для людей, как информантов исследователя, как его партнеров в изыскании и как потребителей социологической информации. Социология, открытая “миру” как предмету отображения, ансамблю акторов и адресу обращения.

Открытая “всем ветрам” общественной жизни, социология — для публики и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата (как формулирует М. Буравой). Независимая социология (хоть абсолютная независимость и невозможна...). Открытая также и по отношению к другим областям знания, для междисциплинарных подходов.

Свободная (разумеется, относительно), а точнее — преодолевающая давление со стороны как внешних для социального института науки сил, так и “изнутри” профессионального сообщества (имея в виду всевозможные писанные регламенты и неписанные обыкновения).

Итак, *открытая социология, в сущности, может рассматриваться как интегральное определение социологии публичной или общественной*. Причем важно, что это не ценностная, а объективная характеристика, выводимая из самого предмета рассмотрения, а не приписываемая предмету некие позитивные (с точки зрения аналитика) качества.

Публичная, общественная, открытая социология, будучи идеальным типом (как, впрочем, идеальными типами являются и все остальные), есть некоторая точка отсчета и некий аттрактор, своего рода потенция адекватных взаимоотношений социологии и общества.

Как уже отмечалось, публичная социология не есть некая антитеза другим жанрам (типам) социального исследования. Нам представляется, что это — своего рода *стилевая характеристика*, настрой, интенция, реализуемая в различных социологических практиках.

¹ В другой своей работе — “Публичная социология прав человека” (2006) М. Буравой пишет: “Успех публичной социологии будет зависеть от способности социологии создавать собственный объект — общество. А ее проектом могло бы стать ограничение государства и рынков общественной самоорганизацией и защитой прав человека или восстановление трудовых и социальных прав” (Цит. по переводу Буравой М. Публичная социология за права человека (перевод размещен на http://www.soc.ru/inf/burawoy_pub.doc). Впервые опубликовано: Burawoy M. Public sociology for human rights // Blau J. and Iyall-Smith, K. (2006) Public sociologies reader. New-York: Rowman and Littlefield, 2006).

М. Буравой рассматривает разнообразные связи и взаимозависимости разных типов социологического знания. Особенно интересен его анализ взаимодействия и возможных противоречий между инструментальными и рефлексивными социологическими практиками. Афористична и точна его формула: “Критическая социология — это совесть профессиональной социологии, так же как публичная социология является совестью прикладной социологии”¹. (Классическими примерами критической социологии могут служить: “Причуды и слабости современной социологии и родственных наук” П. Сорокина — 1956, “Социологическое воображение” Ч.Р. Миллса — 1959, “Наступающий кризис западной социологии” А. Гоулднера — 1971).

Всякий тип социологического знания (или труда) можно охарактеризовать и через ту крайность, в которую он может впасть. Например, профессиональное знание — в узкий профессионализм, “науку для науки”, сайентистский догматизм и т. п. Прикладное знание — в сугубый прагматизм, сужение концептуальных горизонтов, сервильизм (от “казанной социологии” к “чего изволите”...). Наверное, свои “крайности”, возможность доведения до абсурда имеют и те типы социологического труда, которые продуцируют рефлексивное знание (критическая и публичная социологии).

Как подсказывает уже здравый смысл, “все хорошо в меру”. А коль скоро мера не соблюдена, возникает опасность обращения в собственную противоположность.

Публичная социология охарактеризована нами выше как *открытая во многих отношениях* (включая и актуальность, и демократичность, и диалогичность, и гражданственность...). Можно сказать, что отсутствие всех этих качеств, полный отказ от названных элементов публичного (или общественного) в любом из типов социологического знания превращает это знание в квазинаучное. Скажем так: “закрытая” (относительно общества) социология перестает быть социологией.

Постановка вопроса о *публичной социологии* представляется весьма актуальной и своевременной для российской социальной науки. Здесь стоит обратиться к не столь уж давней предьстории.

Примерно 25 лет назад автором этих строк была предложена модель, претендующая “схватить” логику развития советской социологии от конца 1950-х годов до начала 80-х². В ней фигурировали 4 полюса, между которыми — от одного к другому — совершалось «движение» тогдашней социологии (притом, что в разные периоды доминирующий полюс никогда не оставался единственной точкой притяжения).

¹ См. Буравой М. За публичную социологию. Тезис III: Разделение социологического труда.

² См. Алексеев А.Н. Драматургическая социология. Том 1 с. 219-226. Эта модель нашла свое место также в курсе лекций: Фирсов Б.М. История советской социологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2001. С. 233-235.

Эти полюса определялись как: 1) *Идеология*; 2) *Реальность*; 3) *Наука*; 4) *Управление*. Движение от первого полюса ко второму (рубеж 1950-60-х годов) было условно названо “секуляризацией”; от второго к третьему — “сайентификацией” (60-е годы); от третьего к четвертому — “прагматизацией” (70-е годы); и от четвертого обратно к первому (конец 70-х годов) — “реидеологизацией”.

Таким виделся “маршрут” советской социологии, оглядываясь на него из рубежа 1970-80-х годов. Автор этих строк тогда полагал, что можно, в соответствии с отмеченным выше, говорить о последовательных функциональных приоритетах: *гражданственная, исследовательская, управленческая, идеологическая* функции социологии¹.

Весьма критичный настрой создателя этой модели подводил к следующей формулировке вывода (1981):

...По мере этого четырехфазного развития, отдельные частицы “тела” Социологии стремились осесть (и иногда это удавалось) на том или ином полюсе. Впрочем, чаще всего, увлекаемые движением, эти частицы отставали в своем самосознании от действительного своего положения и бытия: академические ученые остаются в убеждении, что они все еще имеют дело с Реальностью; социальные планировщики тщатся считать себя Учеными; идеологические пустобрехи мнят себя Управителями общественных процессов. Кто-то и впрямь ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому...².

Далее автор пытался заглянуть в будущее: “Такая логика развития социологии, переплетенная с логикой общественного развития (и решающим образом обусловленная последней), подсказывает необходимость *нового прорыва к реальности*. Этот прорыв может произойти в 80-х годах, но, конечно, не в силу внутринаучных причин, а под давлением хода общественной жизни”³.

Насчет “хода общественной жизни” автор почти угадал, а вот насчет “нового прорыва к реальности” — ошибся. Здесь не станем обозревать всю аналитическую и критическую литературу относительно современного состояния и перспектив российской социологии⁴. Они мало утешительны. В свете концепции М. Буравого, можно сказать, что социология

¹ Сегодня замечу, что такая дифференциация функций науки более чем сомнительна. Но для “советской социологии”, которая фактически была “не только” наукой, эта концептуализация, пожалуй, адекватна.

² Цит. по: Алексеев А.Н. Драматургическая социология. Том 1. С. 220-221.

³ Там же. С. 221.

⁴ Укажу здесь лишь на изданные недавно материалы очередного Международного симпозиума: Пути России: проблемы социального познания, 2006 / Под общ. ред. Рогозина Д.М. М.: МВШСЭН, 2006.

в России за последние 20 лет продвинулась в основном в плане производства "инструментального знания".

С одной стороны, наметился выход — особенно среди научной молодежи, имевшей возможность стажироваться за рубежом, — на уровень мировых профессиональных стандартов. С другой стороны, массовая подготовка специалистов на многочисленных, возникших в 90-х годах, социологических факультетах российских вузов оказывается ниже всякой критики. (Об этом лишний раз свидетельствует выявившаяся в минувшем году позорная ситуация с преподаванием социологии в ведущем вузе страны — Московском госуниверситете)¹.

Налицо дальнейшая профессионализация и в сфере прикладной социологии. Однако зависимость исследователей-прикладников от заказов хоть властных, хоть бизнес-структур такова, что говорить здесь о прогрессе можно лишь с очень серьезными оговорками. "Все на продажу" — вплоть до фальсификации социологических данных (если это не грозит скандальными разоблачениями, например, в электоральной социологии).

Строго говоря, прикладная социология оказывается, сплошь и рядом, ближе к полит- и пиартехнологиям, или к маркетингу, чем к любому из других типов социологического знания. Характерно, что в значительной своей части прикладная социология является социологией, закрытой от общественности (обязанной хранить коммерческую или "государственную" тайну).

Зависимость науки (и не только прикладной) в советские времена — от государственных, в постсоветские — от рыночных, а ныне — все больше от тех и других влияний, приходит в нарастающее противоречие с идеалами свободной науки (будь то университетская, будь то академическая, будь то "фирменная"...). Пожалуй, дело идет к тому, чтобы у социологии в России вновь появилась "идеологическая функция"...

Дело критической академической рефлексии является уделом слишком малой части социологического сообщества (причем иногда вовсе не тех социологов, что работают в Университетах или в академических институтах). Можно сказать, что "совесть" профессиональной социологии при молкла. А как же "совесть" прикладной социологии?

В какой мере можно сегодня говорить об актуальности, демократичности, диалогичности, гражданственности социологии — этих атрибутах (как мы пытались показать) публичной, общественной, открытой социологии?

Нами здесь не ставится задача проанализировать состояние современной российской социологии. Это — не тема настоящих заметок.

¹ См., например, «Экспертное заключение Рабочей группы Общественной палаты РФ по ситуации на Социологическом факультете МГУ» от 14.12.2007 — <http://www.oprf.ru/newsblock/news/?id=1540&returnto=0&n=1>. См также собрание частных экспертных отзывов российских социологов о положении дел на соцфаке Московского университета (Полит.ру; ноябрь 2007 г.) — <http://www.polit.ru/analytics/2007/11/20/socfak1.html>.

Нам кажется, что сама по себе корректная постановка этого вопроса в свете концепции М. Буравого об инструментально-рефлексивном характере социологического труда и об академической — вне-академической аудитории социологического знания, может считаться достойной задачей для нынешних заметок. В меру сил мы постарались эту задачу решить.

Попробуем поставить еще и такой вопрос: возможно ли процветание таких типов социологического знания, как профессиональная, критическая или прикладная социология, при недоразвитости социологии публичной? Здесь ответ однозначен — нет¹. А стало быть, усилия к достижению *открытости*, во всем многообразии значений этого слова (которому мы постарались придать терминологический статус), являются залогом полноценного развития социологии в целом, а не только какого-то ее отдельно взятого "публичного" сектора.

Относительная «непубличность», замкнутость, «закрытость» современной российской социологии, при всех ее претензиях на значимую роль в объяснении и прогнозировании общественных процессов и в определении траекторий развития нашего общества, не может быть преодолена какими-то воздействиями извне, а только изнутри, инициативами самих социологов.

Это могут быть инициативы в постановке актуальнейших исследовательских задач, в выборе оригинальных и интерактивных методов, в ответственных взаимоотношениях с объектом исследования, во встречном давлении на заказчиков, в отказе от сделок с профессиональной совестью, в организации "социологического просвещения" (социологическая неграмотность населения может сравниться разве что с юридической), в коллективном противодействии попыткам подмены науки идеологией и создания квази- профессиональных объединений и структур², в деле активизации исследовательских комитетов Российской общества социологов и в проработании новых "социологических ростков" гражданского общества.

Отвечая на анкету Полит.ру 31 декабря 2007 года, В.А. Ядов на вопрос «Какое научное событие социологии в 2007 году Вам больше всего запомнилось, показалось наиболее интересным?», ответил так:

¹ «В идеале расцвет каждого типа социологии является условием для процветания всех остальных, но они также могут с легкостью принимать патологические формы или стать жертвами изоляции и подчинения» (Буравой М. За публичную социологию).

² Одним из примеров такого поведения может служить впервые опубликованное на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС) "Открытое письмо группы петербургских социологов коллегам-социологам России", от 1-9 июля 2007 года. (<http://www.sociologists.spb.ru/pismo.htm>). Оно получило широкую известность после публикации на общероссийском портале Полит.Ру: Открытое письмо петербургских социологов В связи с сессией по "русскому вопросу" и Учредительным съездом Союза социолога России — <http://www.polit.ru/dossie/2007/07/13/spas.html>. См. также: Вестник РОС, 2007, № 3-4 (24), с. 4-9.

Два события я вижу особо важными, и оба они стимулировали некоторую активизацию социологического сообщества. Прежде всего, это публичное обсуждение состояния социологического образования и госстандартов по социологии, что было вызвано «бунтом» группы студентов социологов в МГУ. Другое примечательное социальное действие – судебный иск Федерации профсоюзов к члену РОС Карин Клеман, в котором профчиновники требовали сатисфакции за ущемление их достоинства. Автор написала, что ФНПР не поддержал забастовку рабочих Автоваза. Социологи исследовательского комитета РОС «Социология труда» подали в суд свое обращение, и профсоюзники проиграли процесс. Более того, канцелярия Президента поручила контрольному управлению Министерства по труду изучить проблему и представить свои предложения. Сейчас формируется рабочая комиссия с активным участием социологов. В числе других вопросов она должна сформулировать поправки к Трудовому кодексу¹.

Примечательно, что Ядов без колебаний отнес оба эти события к «научным». Это как раз и была та самая публичная социология.

Автор этих строк является «пессимистом по наблюдениям, но оптимистом по убеждениям». Резервы активности гражданственно ориентированных и нравственно мотивированных социальных исследователей, как нам кажется, все же далеко не исчерпаны.

Здесь хочется вспомнить о романтическом настрое зачинателей новейшей российской социологии в 1960-е годы. Может ли он возродиться 40 лет спустя — в новом качестве и в новых людях?

Нам представляется, что большинство социологов среднего поколения ориентированы ныне скорее на инструментальное знание, чем на рефлексивное, т. е. на профессиональную и прикладную социологию, а не на критическую и публичную. Может быть, смена преобладающих в нынешнем социологическом сообществе ценностных ориентаций произойдет в том поколении, которое сейчас еще на студенческой скамье?

Во всяком случае, от предшествующих поколений социологов здесь многое зависит. Они могут способствовать этому процессу — путем передачи эстафеты не только профессиональных знаний и умений, но и ценностного и этического багажа, а также ответственного отношения к своей профессии.

¹ <http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.popup.html>. Кроме упомянутого В.А. Ядовым письма в поддержку Карин Клеман, социологи-специалисты в проблематике трудовых отношений в ноябре же 2007 г. выступили с Обращением к общественности и правительственным структурам под названием «Наемные работники фактически лишены права на защиту своих интересов». Это Обращение тоже было опубликовано на Полит.ру: <http://www.polit.ru/dossie/2007/12/05/labour.html>.

Сергей Ерофеев

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

С определенной долей уверенности можно сказать, что, несмотря на отсутствие принципиального институционального изменения наподобие того, которое произошло в странах Восточной Европы, социология в России существует в первую очередь для самих социологов. Люди этим зарабатывают себе на жизнь, с помощью социологии получают групповое и, более того, внегрупповое признание и стремятся к воспроизводству социологии как академической дисциплины, исследовательской практики и части интеллектуальной культуры индустриального и постиндустриального общества. Существует ли социология для общества — вопрос непростой, поскольку прямого общественного заказа на нее в России нет. Вместе с тем, люди привыкают к наличию некоего социологического элемента в содержании медиа, хотя часто он воспринимается не как один из голосов в гармонии, а как «фон» или декорация. Можно полагать, что, будучи так или иначе артикулированным в информационном поле, этот фон может стать частью «переднего плана», вполне инструментальной частью применительно к задачам политической аргументации и манипуляции. И в этом заключается надежда социолога на большую собственную востребованность и на пополнение ресурсов воспроизводства дисциплины как социологии для социологов. Социология для социологов, если под последними понимать более широкий круг интеллектуалов, имеющих склонность к социокультурному анализу, вполне может существовать как относительно герметическая практика, не выходящая за пределы спецсеминаров. В этом смысле, при ужесточении политического режима социологи вполне могут стать новым «поколением дворников и сторожей», были бы политические и финансовые условия для производства малотиражных изданий.

Социология для университетов существует как часть общей схемы сохранения преемственности столь превозносимого «фундаментального российского образования». Здесь вовсе не требуется анализ конкурентоспособности кафедр и положения отечественной науки в контексте мировой. «Гуманитарная операция» по спасению кадров 1980-х годов прошла относительно безболезненно, новые слова заменили старые, при этом наметилась перспектива смены поколений без превращения отечественной социологии в открытую миру науку, в академико-административном плане основанную на принципе заслуженности (merit-based). Существующие институты публикаций вполне удовлетворяют этим требованиям и не требуют коренной перестройки. Разумеется, большой вклад в такое положение дел вносит популярность университетской социологии как механизма дополнительной легитимации